

Когда их взгляды встретились, Чанся перестал улыбаться во весь рот, но в его глазах всё еще светилась тихая, ласковая радость. Его счастье было заметно с первого взгляда.

— Откуда они? — спросил Пэй Яо на ходу, переводя взор с охапки цветов на лицо юноши.

Глаза Чанся радостно блеснули, и он ответил:

— На горе нарвал. Их там так много выросло! Корзина забила доверху, больше ничего и не поместилось, вот папа и велел мне первому домой возвращаться.

Обычно они редко болтали о пустяках, и разговоры между ними не клеились.

Пэй Яо немного подумал и, стараясь найти тему для беседы, спросил:

— В глиняные кувшины их поставить хочешь?

— Угу, — кивнул Чанся и добавил: — Папа просил и в его комнату немного отнести. А бабушка еще не воротилась?

— Нет, — Пэй Яо подошел ближе и остановился в паре шагов, разглядывая огромный, слегка колышущийся ворох нежных цветущих веток.

Чанся был так рад цветам, что это прогнало всю его былую робость и настороженность. С мягкой улыбкой он предложил:

— Тогда мы и в бабушкину комнату кувшин поставим. Она вернется — и сразу увидит.

Заметив, что названный брат собирается опустить ношу и приняться за дело, Пэй Яо вдруг вызвался помочь:

— Раз у тебя руки заняты, я сам схожу в чулан за посудой.

С этими словами он быстро направился к хозяйственным постройкам.

Все мысли Чанся были заняты цветами. Пристроив охапку обратно в бамбуковый короб, он поспешил на кухню и зачерпнул полведра чистой воды.

Вскоре появился Пэй Яо, неся три глиняных сосуда: среди них были как пузатые горшки, так и узкие вытянутые кувшины.

Один из этих узких кувшинов Чанся использовал чаще всего.

Весной и летом, стоило выдаться свободной минутке, он всегда приносил из леса букет и ставил у себя в комнате; порой и другие деревенские делились с ним красивыми ветками. Но в последнее время из-за страды всем было не до полевых цветов, так что кувшин стоял припрятанным.

Чанся примостился под навесом крыльца и принялся подрезать стебли.

Пэй Яо наполнил все глиняные сосуды водой, отложил в сторону ковш, но уходить не спешил — остался стоять рядом, наблюдая за работой.

Чанся почувствовал себя неловко. Одно дело, когда он сам присматривал за братом, понукая того трудиться, но после всех недавних недоразумений оставаться с ним наедине и сохранять

спокойствие было по-настоящему трудно.

Словно пытаясь скрыться от этого пристального взгляда, он пониже опустил голову, и ножницы в его руках защелкали быстрее прежнего.

Срезая по веточке, он тут же опускал её в воду. Пузатый глиняный горшок сам по себе был неказистым и грубым, но когда в него встал пышный букет, в его очертаниях появилась какая-то трогательная, бесхитростная простота.

В доме водился добрый десяток подобных горшков и кувшинов — как-то раз папа отправился на ярмарку и по дешевке скупил этот бракованный товар. Обоженные они были криво и выглядели невзрачно, но воду держали исправно, так что для полевых букетов подходили как нельзя лучше.

— Чанся, — вдруг негромко позвал Пэй Яо.

Юноша по привычке вскинул голову и тут же замер: склонившийся над ним молодой человек мягко запечатлел поцелуй на его губах.

Старый пес у ног перестал вилять хвостом и лишь удивленно склонил голову набок, разглядывая эту парочку.

Пэй Яо выпрямился как ни в чем не бывало. Он присел на корточки рядом, подтянул к себе бамбуковую корзину с остатками цветов и принялся задумчиво разглядывать нежные, подрагивающие лепестки.

Когда Чанся закончил расставлять подрезанные ветви по сосудам, Пэй Яо аккуратно выудил из корзины еще один стебелек и протянул ему.

В это время с заднего двора, закончив чистить свинарник, вышел дедушка Пэй Цзаоань. Увидев, как двое ребят дружно возятся с цветами — точь-в-точь малые дети в своей невинной забаве, — старик расплылся в широкой улыбке.

С тех пор как Пэй Яо и Чанся вошли в лета, они редко позволяли себе такие ребяческие утех.

Старик благодушно промолвил:

— Надо же, и цветы уже расставлять горазды!

В его голосе сквозила неприкрытая дедовская гордость.

Пэй Яо лишь беспомощно покачал головой: «И чего это дедуля вдруг завел такие речи? Подумаешь, пару веток в воду ткнули, будто они отродясь этого не делали».

Бывало, в прежние времена, когда делать было совершенно нечего, он и сам собирал букеты да носил их на продажу в городок.

Чанся тоже слегка удивился этим словам — ведь он и без того постоянно возился с цветами.

Однако, глядя на ласковую и добрую улыбку Пэй Цзаоаня, парни лишь тихонько улыбнулись в ответ, не став ничего объяснять.

Жар на щеках Чанся мало-помалу улегся, и все его мысли снова вернулись к букетам.

Когда Доу Цзиньхуа вернулась после прогулки по Старому поселению, ее взгляд первым делом упал на кувшин с цветами, красовавшийся на кухонном подоконнике. Она подошла ближе, вглядываясь в нежные лепестки, и её глаза озарились теплой улыбкой.

Обнаружив, что точно такой же букет красуется в главном зале, а на столе в её собственной опочивальне тоже стоит пузатый горшок, полный розовых цветов, старушка растрогалась.

Весь дом теперь сиял этими яркими, живыми красками. На её изрезанном морщинами лице расцвела неподдельная радость — казалось, бабушка вмиг помолодела на несколько лет.

*

Фьють!

Короткий свист рассек воздух над головой, и в следующую секунду с ветки дерева на землю грузно шлепнулась жирная птица с каштановым оперением.

Ян Фэннянь весело вскинул брови и, ступая по укрытому зеленым мхом горному склону, подошел ближе, чтобы подобрать добычу.

Не успел он сделать и пары шагов, как раздался еще один свист. Ориентируясь на глухой звук падения, он быстро отыскал в траве второго раненого воробья.

Перепуганная птичья стая с шумным хлопаньем крыльев сорвалась с ветвей и улетела прочь.

Выбираясь из чащи, Ян Фэннянь с улыбкой спросил:

— Что это с тобой сегодня? Чего ты так расшумелся, будто за тобой погоня?

Вокруг высились изумрудные деревья, земля была укрыта сочным зеленым ковром, а в лесной глуши царила сырая, подернутая сизым туманом прохлада. Темно-зеленые плети дикого плюща обвивали стволы кольцо за кольцом, и бог весть, суждено ли им когда-нибудь распутаться.

Пэй Яо вскинул голову, высматривая добычу среди густых крон. Птицы разлетелись, так что теперь следовало немного подождать, пока они вернуться.

Он спрятал за пазуху горсть округлых камешков для рогатки и буркнул:

— С чего ты взял, что я суечусь? Просто заметил дичь, вот и сбил мимоходом, пока не улетели.

Ян Фэннянь подошел ближе и протянул ему обеих птиц:

— Ты так споро их бьешь, я уж подумал, у тебя дома какое спешное дело появилось и ты торопишься назад.

Они выросли вместе и знали друг друга как облупленных. Оба были горазды повеселиться: обычно, когда они уходили в горы стрелять птиц, то торчали там до самой темноты и домой никогда не спешили.

В их корзине уже подпрыгивало несколько птичьих тушек — все как на подбор жирные, на тощих заморышей парни и смотреть бы не стали.

Пока Ян Фэннянь высматривал добычу и целился, Пэй Яо бегал собирать подбитых птиц; когда же стрелять принимался Пэй Яо, черед бегать наступал для его товарища.

Этот обычай повелся у них еще с малых лет. Как-то раз они зазевались и не подобрали сбитую птицу вовремя, а её утащил из-под носа другой шустрый мальчишка. И хотя они тогда знатно подрались и вернули свое, на душе еще долго оставался неприятный осадок. С тех пор между ними и воцарился этот негласный уговор.

Ян Фэннянь пересчитал добычу и предложил:

— Уже семь штук набралось. Может, еще парочку подстрелим — и будет десяток?

Пернатой дичи в здешних горах водилось в избытке, вот только охотой на птиц промышляли разве что бездельники да малые дети, которым нечем было заняться.

У настоящих тружеников и в поле, и дома работы хватало выше крыши. Лишь когда домашним очень хотелось полакомиться мясным, а тратить звонкую монету на покупку свинины не хотелось, они отправляли в лес сыновей, которые ловко владели рогаткой.

В пору сева пшеницы или бобов на поля частенько налетали тучи наглых птиц, склевывающих драгоценные зерна. В такие дни ребятишкам, бегающим по наделам с рогатками, слова худого никто не говорил — наоборот, всячески хвалили за помощь.

Пэй Яо и Ян Фэннянь в этом деле были тертыми калачами, и простая ловля птиц на полях для них была обычной трудовой повинностью. Обычные воробьи их давно не интересовали — что там есть, в этой крошечной птахе размером с ладонь? То ли дело лесные птицы, нагулявшие жирок на вольных хлебах.

Порой, если везло, можно было подстрелить или поймать живьем какую-нибудь редкую, певчую птицу с красивым оперением — такую городские богачи с радостью покупали для забавы.

Правда, настоящими птицеловами они не были, силков и сетей с собой не носили. Всего пару раз за всю жизнь им улыбнулась удача: они поймали живых птах, выручили за них два-три цзян серебра и честно поделили деньги пополам. Так что на постоянный заработок от этого дела они не рассчитывали; скорее, это была не жажда наживы, а обычный юношеский задор — руки чесались пострелять.

Парни еще немного побродили по горным тропам, и когда набралось ровно десять птиц, они поделили добычу поровну — по пять штук, — вскинули корзины на плечи и зашагали вниз.

Сегодняшний день выдался на редкость удачным, рука у обоих была твердой: почти каждый выстрел попадал точно в цель, ни одного промаха. Ян Фэннянь явно не нагулялся и на ходу принялся уговаривать товарища:

— Слушай, а давай спустимся к реке да зажарим их прямо на костре? Я сестру попрошу, она еще девчат и парней позовет, вместе посидим, повеселимся!

Он заговорщицки подмигнул другу и добавил:

— Коли моя сестра и братец Цюэ придут, так Цзян Иньде и Пэй Силуань тоже дома не усидят, непременно прибегут!

Цзян Иньде была девушкой из их деревни. Семья Цзян принадлежала к числу немногих чужаков, обосновавшихся в этих краях, но они жили в Ваньэр уже четыре поколения, так что давно стали своими.

Цзян Иньде была ровесницей парней, исполнилось ей шестнадцать лет; девица она была с норовом, острая на язык, но лицом и станом вышла на редкость пригожей.

Ян Хуацюэ приходился Ян Фэнняню дальним родственником по отцовской линии. Он крепко дружил со своими сверстниками Цзян Иньде и Пэй Силуань, так что эта троица всегда держалась вместе.

Красивых девушек и шуаньэров в деревне было не так уж много, а эти трое по праву считались первыми красавцами на всю округу.

Молодость — пора девичьих грез и первой влюбленности, когда сердце замирает от робкого чувства. К красивым людям всегда тянет, и кто бы отказался лишний раз полюбоваться на милое лицо?

Великая династия Ся ныне была куда могущественнее и богаче прежней власти. И пусть нельзя было сказать, будто повсюду царило сказочное процветание, но в таких местах, как деревня Ваньэр, что раскинулась у подножия гор у чистой реки и владела тучными пашнями, простой люд жил в сытости и покое.

Широкий казенный тракт проложили к их краям еще в прежние годы, так что возить товары на ярмарку было делом легким и привычным. Вместе с торговлей и деревенские нравы стали куда свободнее: тайные встречи и любовь между молодыми людьми больше не считались страшным грехом или запретным делом.

Поэтому, пока парень и девушка не уходили в глухое место совсем одни, шумные компании сверстников, собиравшиеся вместе для забав, ни у кого не вызывали осуждения.

Пэй Яо, будучи парнем горячим и удалым, тоже всегда любил шумные сборища, особенно если там можно было встретить красивых людей или полюбоваться добрым видом.

Однако сегодня, выслушав заманчивое предложение друга, он не поспешил согласиться, и на лице его отразилось явное колебание.

Ян Фэннянь удивился:

— Ты чего призадумался? Дел-то у тебя особых нет.

Будь Пэй Яо занят важной работой, он бы не пошел средь бела дня в лес стрелять птиц ради забавы.

Дело было в том, что папа с отцом сегодня спозаранку ушли проведать родственников в материнскую деревню, а Чанся остался дома один — затеял печь пышные лепешки и баоцзы. К этому часу над кухней, верно, уже вовсю валил пар.

Пэй Яо немного помолчал и наконец твердо произнес:

— Когда я уходил, папа строго-настрого наказал: как только настреляешь птиц — сразу домой ворочайся. Коли задержусь, брани не обойтись.

Ян Фэнняню ничего не оставалось, кроме как отказаться от затеи. Он со вздохом пожаловался:

— Эх, все родители одинаковы! Моя матушка тоже заладила: «Пора тебе за ум браться, остепениться надо...» Да когда еще так отдохнуть удастся? А дома со скуки помереть можно, и заняться нечем.

Вспомнив о том, кто сейчас дожидается его дома, Пэй Яо промолчал, лишь уголки его губ тронула едва заметная, теплая улыбка.

*

На кухне.

Пышное, хорошо поднявшееся тесто для баоцзы и лепешек уже было разложено по бамбуковым плетенкам-пароваркам, которые высились над котлом высокой пирамидой. Чанся сидел на низенькой скамеечке перед печью, подбрасывая хворост в огонь.

Доу Цзиньхуа ушла к себе прилечь отдохнуть — следить за огнем можно было и в одиночку, помощь старушки тут не требовалась.

Помимо булочек, в котел была поставлена глубокая миска с мясными костями. К тому времени, как приготовятся лепешки, мясо на костях успеет знатно упреть — станет таким нежным, что будет само отделяться, стоит лишь ткнуть палочкой.

Чэнь Чжи перед уходом к родственникам специально заглянул спозаранку в деревню Чжаоли за мясом; заметив на прилавке хорошие кости, он прикупил несколько штук и для своего дома.

Кости, понятное дело, стоили куда дешевле чистого мяса. На гостинцы для родни ушла добрая часть монет, так что для своей семьи вполне можно было обойтись и косточками — поглотать в охотку, дабы порадовать себя мясным духом.

В руках у Чэнь Чжи, конечно, скопились кое-какие сбережения, но теперь, когда и для Пэй Яо, и для Чанся нужно было справлять свадьбы, расходы предстояли немалые. Деньги приходилось беречь, и тратить лишнее никто не смел.

Чэнь Чжи прибрал к рукам ведение домашнего хозяйства еще в молодые годы. Доу Цзиньхуа в ту пору пыталась было перечить и отстоять свое право распоряжаться монетами, но по природе своей она была женщиной кроткой и мягкой, так что тягаться с решительным фуланом ей оказалось не под силу.

Чэнь Чжи видел, что свекровь в денежных расчетах смыслит мало, хозяйство вести не умеет и знает лишь одно — бездумно копить да экономить на всем подряд, из-за чего в доме круглый год и запаха мясного не бывало.

Тканые дома хлопковые и конопляные полотна полностью уходили на продажу; бог с ней, с одеждой — ходили в обносках, но ведь они губили собственное здоровье! Работали на износ, надрывали спины на пашне, а ели впроголодь, отчего у каждого лица сделались землисто-желтыми. Разве это жизнь?

Выносить такое отношение он не стал и, едва затяжелев Пэй Яо, воспользовался случаем и решительно забрал ключи от амбаров и казну себе.

Стариков он ни в чем не ущемлял, наоборот — все домашние дела пошли на лад, каждая монета тратилась с умом и вовремя, а припасы учитывались до последнего зернышка.

Под его началом семья раз в месяц могла позволить себе отведать недорогого мяса или наваристой похлебки. К тому же Пэй Юва был единственным сыном в семье, делить хозяйство и съезжать от родителей не планировал, так что Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань вскоре полностью успокоились и принялись мирно трудиться под началом сына и его супруга.

Подбросив в печь пару сухих поленьев, Чанся устроился на скамеечке и принялся перебирать стручковую фасоль.

Раз на ужин ожидали сытные баоцзы и сочное мясо на костях, он задумался пожарить еще и миску фасоли. К тому же от вчерашнего огромного кабачка осталась добрая половина — если порезать её кусочками, выйдет отменное блюдо.

Услышав шаги, Чанся вскинул взор и увидел входящего на кухню Пэй Яо.

— Держи, — буркнул Пэй Яо с напускным безразличием в голосе.

Чанся принял из его рук чистый носовой платок, в который было что-то бережно завернуто. Развернув узелок, он обнаружил там несколько крупных диких плодов — среди них были и спелые багровые, и чуть кисловатые зеленоватые ягоды, но все они были мягкими и вполне годились в пищу.

Получить в подарок горсть свежих ягод — от кого бы то ни было — всегда приятно, и глаза Чанся невольно сузились от радостной улыбки.

Он тут же попытался скрыть свою радость и напустил на себя серьезный вид, но Пэй Яо успел заметить эту мимолетную улыбку. На лице молодого хозяина отразилось глубокое раздумье.

«Вот оно что... Выходит, этого дуралея просто задабривать надо».

<http://bllate.org/book/17875/1727363>